

Факторы, обуславливающие эмерджентность понимания (поликодового) текста. Часть 1

В. А. Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
pishchalnikova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются гетерогенные факторы, которые определяют эмерджентность понимания текста. При этом эмерджентность представлена как фундаментальная характеристика психической деятельности индивида. Актуальность статьи определяется необходимостью разработки принципов анализа речевой деятельности как холистического объекта. Он является существенно эмерджентным, что детерминировано взаимообусловленностью физио-, нейро- и психологических сторон деятельности человека. Выделены факторы, определяющие эмерджентность речевой деятельности независимо от тематики, структуры, области коммуникации индивидов.

Ключевые слова: текст, поликодовый текст, эмерджентность, синергетика, структурная аналогия, теория речевой деятельности, речевое действие

Для цитирования: Пищальникова В. А. Факторы, обуславливающие эмерджентность понимания (поликодового) текста. Часть 1 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 70–78.

Original article

The Factors Determining the “Emergence” of Understanding of a (Polycode) Text. Part 1

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pishchalnikova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of heterogeneous factors contributing to the emergence of “emergence” of the process of understanding a text; at the same time, “emergence” is considered a fundamental characteristic of an individual’s mental activity. The relevance of the article is determined by the need to change the methodology of analyzing speech activity, which is essentially emergent and determined by the interdependence of the physio-, neuro- and psychological aspects of human activity. The factors determining the “emergence” of speech activity are highlighted, regardless of the topic, structure, and area of communication of individuals.

Keywords: text, polycode text, “emergence”, synergetics, structural analogy, theory of speech activity, speech action

For citation: Pishchalnikova, V. A. (2024). The factors determining the “emergence” of understanding of a (polycode) text. Part 1. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 70–78.

ВВЕДЕНИЕ. РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

В среде гуманитариев укрепилось мнение о том, что процесс познания индивидом действительности и самопознание – это порождение человеком неких идеальных образов, форм и структур, которые отображают «объективный мир» и выполняют функцию посредников между человеком и его естественно-культурной средой. Такие идеальные образования фиксируют знание как *отраженную реальность*. Будучи результатом определенного этапа познания, они становятся опорными в последующих познавательных процессах. Содержание всех «идеальных посредников» вполне покрывается психологическим термином «образ восприятия». Каждый такой комплекс знаний по сути – субъективно-объективное образование, поскольку он не существует вне определенного способа познания, детерминированного природной и социальной сущностью человека. Значит, знание как оформленный результат познавательного процесса становится *средством* познания и, следовательно, структурирует среду бытования человека. Доминирующей формой образования и репрезентации знания является речевая деятельность, в которой осуществляется становление мыслимого: язык «... набрасывает на дух свою сеть, чтобы тот, уловленный, смог выразить божественное» [Якобсон, 1987, с. 378].

Однако для того чтобы сохранять определенную устойчивость, образ восприятия должен обладать свойствами, позволяющими поддерживать эту устойчивость во всем континуальном мыслительном процессе при включении его в разные типы деятельности индивида. Мы полагаем, что такая характеристика детерминирована *психофизической* природой образа восприятия: не являясь копией объекта, образ восприятия *структурно аналогичен* ему. Эта аналогия может использоваться при отождествлении форм и структур знания в последующем познавательном процессе, поскольку любые ментальные процессы и образования закрепляются в нейронных сетях и при необходимости активируются. Такое предположение основано на допущении, что существуют некие физические свойства, объединяющие психические и материальные объекты; в некоторых исследованиях эти свойства связываются с формой как особым видом субстанции [Дубров, 1987; Жуков, 1987; Кобозев, 1971; Манеев, 1993].

В современной психологической науке и психолингвистике этапы принятия решения, завершающиеся созданием определенных форм и структур знания, рассматриваются как *регуляторы*

разворачивания познавательных стратегий в условиях неопределенности самого процесса решения. Тогда необходимо определить не только функцию таких форм и структур (регуляторы), но также их свойства, которые способны направлять познавательную деятельность. *Принцип функциональной регуляции деятельности* (П. К. Анохин, В. Г. Зилов, К. В. Судаков и др.) позволяет рассматривать процесс решения сложной познавательной задачи, в нашем случае понимания речевой деятельности и текста, как осуществление стратегий, *предполагающих* неопределенность направленности речевых действий и способов их реализации. В этом случае только аналогические структуры способны выполнять роль стабилизирующих компонентов в стохастическом процессе понимания.

В современной психолингвистике принято положение о том, что ментальные процессы по существу своему нелинейны, а потому психическая реакция индивида на стимул не тождественна ни его описанию в дискретных языковых единицах, ни представлению стимула как суммы репрезентацией его признаков. Тогда единственным признаком адекватности вербального описания познавательным ментальным формам может быть их структурная аналогия речевой деятельности. Речевая деятельность изоморфна любому виду иной деятельности, которую она сопровождает, что в свое время отметил А. А. Леонтьев. Это общее методологическое положение требует разработки теорий второго уровня, которые позволяют применять его, используя конкретные методики анализа. Создать такую теорию возможно, включив в исследование в качестве основополагающего методологический принцип рассмотрения речевой деятельности как самоорганизующейся системы.

Системоцентрическая лингвистика строится на базовой научной парадигме, предполагающей наличие определенной совокупности типов фундаментальных объектов, из которых состоят все другие объекты и которые определяют свойства последних. Такое понимание, по словам Г. В. Ф. Гегеля, приводит к *Schlecht-Unendliche* – «дурной бесконечности» как неограниченному процессу однообразных изменений, не порождающих *нового* состояния системы. Однако долгое время оно было основополагающим в понимании языковых феноменов, например, текста. В тексте тоже пытались обнаружить элементарные смысловые (семантические) единицы, из которых строились бы любые смысловые структуры, но эти поиски оказывались неэффективными, особенно в исследовании текстовых художественных структур. Такая ситуация в 1990–2000-е годы вызвала всплеск интереса к нелингвистическим теориям,

способным, по мнению ученых, объяснить специфику смыслопорождения в речевой деятельности, в частности, к теории самоорганизации сложных систем (И. А. Герман, С. К. Гураль, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкина, Н. С. Олизько и др.). «Синергетические» исследования, изучение суггестивных свойств текстов и их эмоционального содержания привели к однозначному выводу: смыслы порождаются только в речевой деятельности и не могут быть определены минимальным набором языковых знаков или структур. Более того, те или иные свойства *единиц языка*, включенных в речевую деятельность, могут не реализовываться вообще, но возникают иные, не предполагаемые их инвариантным содержанием. То есть существенные характеристики единиц языка зависят от *условий* их существования и *способа* установления свойств.

Казалось бы, обращение к физическим теориям было мотивировано стремлением найти «объективные» основания исследования языка. Однако на практике, к разочарованию лингвистов, попытка выявить «объективный» фундамент языка подтвердила очевидную мысль, что человек – это тоже саморазвивающаяся система, обладающая специфическим признаком – речевой деятельностью. Самоорганизация – это определяющее биологическое свойство живых систем, которое порождает их эволюцию. Однако по причине невозможности изучать ее собственно методами языкознания в лингвистических моделях она описывается как свойство языка, предопределенное следующими факторами: деятельная активность индивида, его языковая способность, целенаправленность речевого действия. Перечисленные параметры самоорганизации имеют давние традиции изучения. Они содержательно определены и верифицируемы экспериментально; в их взаимодействии проявляется синергетическая природа речевой деятельности. Такие параметры обеспечивают необходимую адаптацию индивида к среде и потому удобны для построения теорий второго порядка, о которых говорилось выше. Среда – «область всех возможных взаимодействий группы объектов (выступающих как таковые вне зависимости от их сложности), задаваемая свойствами этих объектов (их измерениями)» [Maturana, 1978, С. 33]. Поэтому изменения в структуре системы – следствие взаимодействия субъекта со средой. Равновесные отношения в функциональном единстве «субъект – среда» невозможны в силу стохастической структурной пластичности обоих его компонентов, которая и определяет эмерджентность деятельности человека, в том числе речевой.

Общеизвестно, что язык развивается стихийно в речевой деятельности общества как

совокупности индивидов, которые используют данный им язык для представления своих психологически актуальных субъективных смыслов – в них и только в них существуют языковые и иные значения. Субъективные смыслы партнеров по коммуникации воспринимаются носителями языка на фоне интерсубъектных значений как ситуативные отклонения от них. И напротив, говорящий вступает в процесс коммуникации, как правило, с намерением представить именно личностные смыслы. Они ситуативно актуальны, потому приоритетны для говорящего в данной конкретной деятельности. Интенция говорящего ведет к расширению смыслов, соотносимых с единицей языка, к их различным изменениям. Поэтому к речевой деятельности как функционирующему языку вполне приложимо положение теории самоорганизующихся систем о том, что флуктуации элементов языка как случайные отклонения от их «средней» величины (интерсубъектного значения в языке) *начинают определять пути их эволюции*. (В нашем случае – изменение семантической структуры вербального репрезентанта. – В. П.). *Неожиданное разрастание незначительных флуктуаций приводит к порождению глобальных следствий в эволюции*» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 5] семантической системы языка, в том числе к возникновению у слова значения, противоположного этимологическому (типа *лихой вор – лихой казак, ветхий* в значении «старый, изношенный» из *ветхий* – «годовой» и т. п.), и к явлению энантиосемии.

Изменение семантической структуры слова становится возможным в силу универсального свойства сложных самоорганизующихся систем – *эмерджентности*, которое проявляется в *генерировании функционирующей системой свойств, не присущих ее компонентам*. Сила проявления эмерджентности зависит от уровня организации синергетических систем, структура которых обладает адаптивной пластичностью. Так, в процессе речевой деятельности (= речесмыслопорождения) во взаимодействие вступают способы познания, не только фиксированные в языке как основной форме коммуникации, но и стабилизированные в иных специализированных семиотических системах (например, в случае продуцирования и понимания поликодовых текстов). Результат процесса – порождение смыслов, не предполагаемых знаковыми образованиями, участвовавшими в этом порождении.

Вне функционирования язык как принципиально статичная система не обладает свойством эмерджентности, поэтому рассуждения некоторых исследователей об «эмерджентности на различных уровнях языковой системы (на фонетическом, словообразовательном, лексическом,

морфологическом, синтаксическом и на *лингвокультурном* уровнях» [Альбеков, 2013] представляются необоснованными. Заметим, что в процитированном фрагменте вызывают сомнения и основания выделения «языковых» уровней.

Многочисленные экспериментальные данные позволяют считать, что языковая структура и формируется в речевой деятельности, и определяется ее механизмами, а любой *содержательный* лингвистический объект принципиально не может быть задан определенной совокупностью необходимых и достаточных параметров. Эти положения фундаментально детерминируются так называемой нелинейностью мышления, а по сути – эмерджентностью мыслительного процесса, результаты которого приобретают определенность благодаря языку: он предоставляет интерперсональные значения и формы для репрезентации личностных смыслов. Опираясь на них, реципиент способен осуществлять встречный процесс порождения смыслов, так или иначе соотносимых с воспринимаемыми, и эти процессы тоже принципиально эмерджентны. Таким образом, для характеристики речевой деятельности оказывается значимым положение синергетики, согласно которому *флуктуации элементов сложных систем в определенных ситуациях обуславливают пути их эволюции*: каждое незначительное отклонение от воспринимаемого смысла принципиально способно актуализировать неожиданную стратегию понимания, приводящую к *эволюции* смысла как его любому изменению. Применение положений синергетики к исследованию текста носит опосредованно-метафорический характер, поскольку, повторим, собственно синергетическим законам подчиняется человек как психофизиологическая сложная система. Поэтому необходимо отметить участие нейрофизиологических механизмов функционирования мозга в процессе продуцирования и понимания текста. Именно в работе мозга представлен главный принцип синергетики, согласно которому эволюция всех элементов самоорганизующейся системы детерминируется так называемым параметром порядка как наиболее неустойчивым элементом, поскольку именно такой элемент «запускает» самоорганизацию системы [Князева, Курдюмов, 1994]. Действие параметра порядка возможно потому, что работа центральной нервной системы не только существенно иерархична, но нелинейна и стохастична: «Нейронным сетям как макросистемам присущи спонтанные флуктуации, обуславливающие зарождение диссипативной структуры в виде качественно нового состояния в макроскопической электрической активности нейронных сетей, осуществляющих формирование ассоциаций

и последующую фиксацию случайно зародившейся новой комбинации ассоциаций» [Дрейманис, 1987, с. 152]. По отношению к тексту такими параметрами порядка могут стать: понимание текста как существенно нестабильный процесс присвоения некоего вербального содержания; элемент текста, акцентированный автором, но неясный реципиенту; невозможность интериоризации смыслов текста в силу недостаточности знаний лингвокультуры и т. д. Параметр порядка образует устойчивый «узел», центр, сосредоточивающий возможные пути эволюции системы, который структурирует окружающую среду, – аттрактор. Это определенные локусы упорядоченности неравновесной системы – текста (речевой деятельности), которые направляют эволюцию понимания (следовательно, по сути организуют текст в ментальной деятельности реципиента, выбирая путь эволюции, наиболее соответствующий содержанию мышления реципиента). При таком порядке эволюции системы текста ее неустойчивое равновесие сохраняется во многом за счет языковых репрезентантов, которые временно устойчивы в силу их дискретности и определенности формальных связей. Вместе с тем языковые репрезентанты не могут в целом гарантировать стабильность смыслов, поскольку за каждым из них стоят взаимозависимые распределенные ассоциативные связи. Поэтому в системе порождения смыслов должен быть еще какой-то стабилизирующий фактор, не исключающий их эмерджентности.

Речесмыслопорождение по определению непрерывно, и потому «точки» этой непрерывности в научном анализе ни теоретически, ни операционально на базе имеющихся методов анализа принципиально неопределимы. Отсюда и значение лингвистических единиц лишь вероятно, что определяется множеством причин.

Поэтому чрезвычайно важной проблемой психолингвистики и когнитивной лингвистики мы считаем не только обнаружение факторов, обуславливающих эмерджентность понимания речевой деятельности (текста), но и факторов, ограничивающих ее, – в противном случае проблема понимания эмерджентной речевой деятельности принципиально неразрешима.

ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Подчеркнем еще раз: эмерджентность – это фундаментальное свойство сложных самоорганизующихся систем, порождающих в процессе эволюции свойства системы, которые не присущи ее элементам.

Какие же факторы дают возможность системе языка бесконечно и разнонаправленно развиваться в процессе речевой деятельности, порождая все новые элементы и сохраняя при этом тождественность самой себе?

Говоря о речевой деятельности как о самоорганизующейся системе, мы, естественно, лишь в научном анализе отделяем ее от человека как производителя деятельности. И однако мы понимаем, что сложнейшая живая самоорганизующаяся система – это, конечно, человек. Поэтому базовый фактор, приводящий к порождению новых смыслов, не сводимых к свойствам взаимодействующих элементов в процессе понимания любого фрагмента действительности, – *фундаментальная эмерджентность деятельности* человека, в том числе мыслительной. Она порождается вследствие взаимодействия физио-, нейро- и психологических процессов в окружающей среде, природной и социальной. Новые и непредсказуемые свойства системы (человека), появляющиеся в этих процессах, называются эмерджентными, а способ порождения этих свойств – эмерджентностью.

Согласно теории самоорганизации систем, в речевой деятельности как сложной системе можно наблюдать постоянно возникающие флуктуации – случайные отклонения от содержания и известных способов репрезентации смыслов, поскольку на эту систему воздействует практически неопределенное количество факторов – эмоциональных, психофизиологических и психофизических, информационных: встраивание новой информации, полученной из внешней среды, в процесс понимания ведет к естественному повышению неопределенности смыслов (энтропии). Текст или речевая деятельность собеседника для индивида – это новая информация, увеличивающая энтропию концептуальной системы реципиента, хотя, безусловно, существует и некоторая устойчивая для индивида совокупность смыслов. Впрочем, не исключаются ее функциональные изменения [Герман, Пищальникова, 1999]. Итак, флуктуации увеличиваются, нестабильность состояния системы возрастает, и она вступает в новый цикл самоорганизации с целью уменьшить неопределенность смысла – энтропию речевой деятельности. То есть специфически индивидуальное отношение концептуальной системы реципиента к воспринимаемому тексту способствует субъективной интерпретации текста. По сути, она соответствует новому пути развития смыслов, заложенных в тексте. Построение тождественных смыслов разными реципиентами заведомо невозможно, поскольку всякая самоорганизующаяся система, в том числе речевая деятельность, принципиально

необратима [Герман, 2000]. Таким образом, осуществляется внутреннее развитие относительно устойчивых смыслов текста, «остановленных» в дискретных языковых единицах. Это внутреннее развитие происходит во встречной речевой деятельности реципиента, и вызвано оно фундаментальным стремлением концептуальной системы к равновесию, нарушаемому включением текста в процесс понимания.

Вторым определяющим фактором, усиливающим возможность порождения непредсказуемых смыслов в процессе понимания, является *мотив деятельности* индивида, в том числе речевой. Именно мотив определяет использование элементов разных семиотических систем для представления психически актуального содержания речевой деятельности субъекта.

Третий фактор – *степень культурной и речевой компетентности* индивида, характеризующая как продуцента речевой деятельности, так и воспринимающего текст. Экспериментально доказано (О.А. Староселец, Т.Г. Утробина и др.), что этот фактор определяет глубину проникновения в доминантный смысл текста, и это не противоречит пониманию речевой деятельности как синергетического процесса: чем разнообразнее концептуальная система, тем она устойчивее и тем более обеспечивает характер более глубокого понимания.

Таким образом, взаимодействие выделенных факторов усиливает степень эмерджентности процесса понимания. Однако наличие интересубъектного культурного знания и языка как всеобщего способа отображения действительности обеспечивает эффективность коммуникативных процессов. Перечисленные факторы действуют парадоксально: детерминируют и одновременно ограничивают эмерджентность речевой деятельности. Естественно, на процесс понимания текста (речевого произведения вообще) влияет и масса иных факторов, в том числе значимых ситуативно, но если говорить об определяющих факторах, то, вероятно, они ограничиваются перечисленными.

Эмерджентность речевой деятельности – следствие эмерджентности мыслительной деятельности человека, которая обуславливается всеми процессами, происходящими в организме как живой системе. Поэтому содержание единиц языка, в частности лексических, задается совокупностью потенциальных способов (субъективной) концептуализации, но они только частично определяют конкретное ее использование. Поэтому отношения элементов речевой деятельности онтологически можно считать только возможными, а не строго детерминированными. Следовательно, «целостность системы представляет собой иную,

самостоятельную субстанцию, нежели образующие ее элементы, а потому законы системообразования существенно отличны от законов синтагматики и парадигматики элементов языка» [Герман, 2000, с. 24]. Языковые единицы означивают только *временно устойчивое* содержание речевой деятельности (и текста как ее результата), принципиально же она (он) – существенно нестабильные структуры, зависящие от характера концептуальных систем реципиентов и способов включения текста в их речевую деятельность. (Вот почему особое значение приобретают психолингвистические исследования, связанные с анализом оснований ассоциирования в парах: вербальный стимул – реакция [Пищальникова и др., 2019; Степыкин, 2023; Яо Чжипэн, 2018]: они позволяют устанавливать совокупность потенциальных предикаций на основе минимального речевого действия *стимул – реакция*; такие предикации указывают не только на имеющиеся, но и на потенциальные пути развития семантической системы вербального стимула.

Поэтому перед психолингвистами стоит задача установить такие способы репрезентации смыслов, которые позволили бы преодолеть фундаментальную противопоставленность «континуальности смысла и дискретности его вербальной репрезентации» [Герман 2000, с. 58], найти структуру, стабилизирующую эту противопоставленность.

ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

В поликодовых текстах, где взаимодействие гетерогенных семиотических систем реализуется очевиднее, чем в собственно вербальных, можно установить мотивационные и когнитивные особенности механизмов понимания, необходимые для объяснения эмерджентности текста вообще. Мы исходим из представления о том, что автор текста имеет определенный мотив его структурирования в связи с необходимостью представить определенное заданное содержание. Значительное количество лингвистических и психолингвистических работ направлено на моделирование этого содержания (Е. А. Анисимова, А. В. Беленко, Л. С. Большакова, Л. О. Бутакова, И. Вашунина, А. К. Гончаренко, Н. Н. Махнин, Д. С. Мичурин и многие другие); в них так или иначе отмечается, что в поликодовых текстах *интегрируется содержательный потенциал гетерогенных составляющих, реализуя мотив речевой деятельности продуцента текста* (см., например, [Сонин, 2005]). В чем сущность этого процесса интеграции? В образовании аналогических структур смыслов, которые создают основу для *порождения новых смыслов (проявления*

эмерджентности системы). Для их создания нужно только «запустить» параметр порядка – поставить познавательную задачу, и система в процессе самоорганизации, стремясь к неустойчивому равновесию, комфортному для нее, начинает производить новые смыслы. А. Г. Сонин подчеркивает, что *поликодовость* как сопряжение в едином текстовом пространстве разных гетерогенных знаковых систем всегда сопрягается с *полиmodalностью* как использованием разных сенсорных модальностей при *восприятии* текста, а также с *интерактивностью* как участием реципиента в понимании содержания текста [Сонин, 2005]. (Только при этих взаимообусловленных свойствах возможно «встречное порождение текста», по А. А. Леонтьеву, т. е. его понимание реципиентом.) В этих свойствах отражены, с одной стороны, специфические знаковые инструменты, используемые продуцентом для создания текста, и свойства психики, актуальные в такой деятельности, с другой – не реактивный, а принципиально деятельностный характер восприятия и понимания текста (деятельности вообще), в котором и проявляется эмерджентность как свойство мышления.

Экспериментальное исследование восприятия и понимания поликодовых текстов показывает, что обработка их происходит в три этапа. На первом, считают исследователи, устанавливаются *механизмы подобия изобразительной и вербальной составляющих*. Мы полагаем, что здесь необходимо существенное терминологическое уточнение. Речь должна идти не о *подобии* как устанавливаемой геометрической одинаковости формы, независимой от размеров сравниваемых объектов, а о *структурной аналогии* как *вероятном и вероятностном* заключении реципиента о сходстве объектов *по какому-то* актуальному для него признаку. Он является вероятным, потому что допускается содержанием текста; он же является вероятностным, поскольку базируется на случайности. (Аналогия как познавательная операция может сформироваться только в живых самоорганизующихся системах, поскольку она предполагает активное, деятельностное вмешательство субъекта в познавательный процесс.) При таком понимании сущности первого этапа обработки текста легко устанавливаются причины эмерджентности процесса понимания. Так, к числу факторов эмерджентности относятся предельно субъективные признаки объектов. На них выстраивается аналогия вследствие их психологической актуальности для субъекта деятельности. Аналогия может быть построена на неисчислимом количестве оснований в силу ассоциативно-апперцепционного характера мышления, поэтому невозможно прогнозировать появление какого-то строго

определенного смысла при восприятии объекта. Однако сама по себе структурная аналогия, осознаваемая индивидом, является для него стабилизирующим компонентом смыслопорождения. Для его вербализации может быть использована любая языковая форма, подчеркнута значимая для продуцента текста, а следовательно, привлекающая внимание реципиента (например, повторением обнуренной аналогии:

...что пожелтый белый свет

С тобой – белей белил; Белей, чем бред, чем абажур,
Чем белый бинт на лбу.

Б. Пастернак

Аналогия как вероятностное заключение *реципиента* способна порождать принципиально неограниченное количество новых смыслов. Поэтому этап установления структурной аналогии между изобразительной и вербальной составляющими поликодового текста мы считаем определяющим в порождении эмерджентных смыслов. И осуществляется этот этап, на наш взгляд, порождением аналогичных речевых действий, организуемых в текст. А. Г. Сонин, предложивший один из первых в лингвистике опыт психолингвистического моделирования процессов, лежащих в основе понимания поликодового текста [Сонин, 2006]. А. Г. Сонин пишет, что, согласно экспериментальным данным, на первом этапе реципиент учитывает, прежде всего, изобразительные элементы поликодового текста: они обладают большим потенциалом для привлечения непроизвольного внимания реципиента. Изобразительные элементы определяют *структуру семантической сети*, т. е. задают *структурную аналогию смыслов*, следовательно, в значительной мере детерминируют их выбор и характер фиксации определенными лексемами: в силу психофизиологического устройства человека порождаемые им континуальные смысловые структуры репрезентируются в дискретных знаках. Поэтому речевое действие как функциональная актуализация *предикативного признака* производится на базе дискретных знаков и их системных отношений. Этим определяются на втором этапе *различия в способах обработки* гетерогенных элементов

поликодовых текстов, ведь уровень владения операциями с подобными элементами у каждого индивида свой. Но это не меняет стабилизирующей роли структурной аналогии – она остается направляющей понимание текста.

На третьем этапе обработки поликодового текста, семантическом, все концепты, представленные в изобразительном и вербальном «кодах», интегрируются на основе структурной аналогии репрезентируемых смыслов, выявленной на первом этапе, что приводит к порождению доминантного смысла текста. При этом вербальный компонент текста вновь закономерно «допускает несколько конкурирующих интерпретаций. Поскольку лексическая сеть активируется раньше, чем семантическая, количество активируемых концептов возрастает оттого, что каждый узел лексической сети связан с несколькими концептами семантической сети» [Сонин, 2005, с. 17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в статье теоретически обоснована гипотеза о структурной аналогии смыслов как факторе, стабилизирующем процесс понимания (текста), который является принципиально эмерджентным. Эта аналогия детерминирует как операциональную сторону понимания, так и характер речевых действий в тексте, встречно порождаемом индивидом. Такая гипотеза, опираясь на существующие теоретические обобщения и экспериментальные данные, требует, однако, дополнительной верификации, в том числе и экспериментальной, проверяющей, в частности, характер влияния выделенных факторов на «степень» эмерджентности. Но это – задача последующего изучения эмерджентности (поликодовых) текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яковсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.
2. Дубров А. П. Симметрия биоритмов и реактивности: Проблемы индивидуальных различий, функциональная биосимметрия. М.: Медицина, 1987.
3. Жуков Н. И. Проблема сознания: философские и специально-научные аспекты. Минск: Университетское, 1987.
4. Кобозев Н. И. Исследование в области термодинамики процессов информации и мышления. М.: Издательство Московского университета, 1971.

5. Манеев А. К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 354–356.
6. Maturana H. R. Biology of Language: the Epistemology of Reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg / G. A. Miller, E. Lenneberg (Eds.). New York: Academic Press, 1978. P. 27–63.
7. Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1999.
8. Альбеков Н. Н. Эмерджентность в инвариантно-вариативной структуре текста. Грозный: Чеченский государственный университет, 2013.
9. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994.
10. Дрейманис А. П. Нейросинергетика и процесс творческого мышления // Научно-техническое творчество. Проблемы эврилогии. Рига: Институт философии и права, 1987. С. 152–154.
11. Герман И. А. Лингвосинергетика. Барнаул: Издательство Алтайской академии экономики и права, 2000.
12. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В. А. Пищальникова и др. М.: Р. Валент, 2019.
13. Степыкин Н. И. Исследование изменений языковой способности на основе данных вербального ассоциативного эксперимента // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. № 13 (1). С. 70–79.
14. Яо Чжипэн. Ассоциативное поле слова как инструмент анализа его значения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (807). 2018. С. 308–314.
15. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Институт языкознания РАН, 2005.
16. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Yakobson, R. (1987). Raboty po poehtike = Works on poetics. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Dubrov, A. P. (1987). Simmetriya bioritmov i reaktivnosti: Problemy individual'nykh razlichij, funkcional'naya biosimmetrika = Symmetry of biorhythms and reactivity: Problems of individual differences, functional biosymmetry. Moscow: Medicina. (In Russ.)
3. Zhukov, N. I. (1987). Problema soznaniya: filosofskie i special'no-nauchnye aspekty = The problem of consciousness: philosophical and special scientific aspects. Minsk: Universitetskoe. (In Russ.)
4. Kobozev, N. I. (1971). Issledovanie v oblasti termodinamiki processov informacii i myshleniya = Research in the field of thermodynamics of information and thinking processes. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
5. Maneev, A. K. (1993). Gipoteza biopolevoj formacii kak substrata zhizni i psikhiki cheloveka = The hypothesis of the biofield formation as a substrate of human life and psyche. In Russian cosmism: An Anthology of philosophical Thought (pp. 354–356). Moscow: Pedagogika-press. (In Russ.)
6. Maturana, H. R. (1978). Biology of Language: the Epistemology of Reality. In Miller, G. A., Lenneberg, E. (Eds.), Psychology and Biology of Language and Thought (pp. 27–63): Essays in Honor of Eric Lenneberg. New York: Academic Press.
7. German, I. A., Pishchalnikova, V. A. (1999). Vvedenie v lingvosinergetiku = Introduction to linguosynergetics. Barnaul: Altai University Press. (In Russ.)
8. Al'bekov, N. N. (2013). Ehmerdzhentnost' v invariantno-variativnoj strukture teksta = Emergence in the invariant-variable structure of the text. Groznyj: Chechen State University. (In Russ.)
9. Knyazeva, E. N., Kurdyumov, S. P. (1994). Zakony ehvolucii i samoorganizacii slozhnykh system = The laws of evolution and self-organization of complex systems. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Drejmanis, A. P. (1987). Nejrosinergetika i process tvorcheskogo myshleniya = Neurosynergetics and the process of creative thinking. Scientific and technical creativity. Problems of eurylogy (pp. 152–154). Riga: Institute of Philosophy and Law. (In Russ.)
11. German, I. A. (2000). Lingvosinergetika = Linguosynergetics. Barnaul: Publishing House of the Altai Academy of Economics and Law. (In Russ.)
12. Pishchalnikova, V. A. et al. (2019). Associativnyj ehksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psikholingvistiki = Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
13. Stepykin, N. I. (2023). Study of Changes in Language Ability Based on Data from a Word Association Test. Proceedings of the Southwestern State University. Linguistics and Pedagogy, 13(1), 70–79. (In Russ.)

14. Zhipeng, Ya. (2018). Associative field of the word as a tool in analysing its value. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(807), 308–314. (In Russ.)
15. Sonin, A. G. (2005). Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyy aspekt = Understanding polycode texts: the cognitive aspect. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
16. Sonin, A. G. (2006). Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov = Modeling the mechanisms of understanding polycode texts: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
 заведующий лабораторией психолингвистики
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pishchalnikova Vera Anatolyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
 Head of the Laboratory of Psycholinguistics
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	11.01.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	01.02.2024	
	16.02.2024	